

**НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
О СОЗНАНИИ И ЯЗЫКЕ: ГОМУНКУЛУС
КОГНИТИВНОГО ИНТЕРНАЛИЗМА**
A.V. КРАВЧЕНКО

**SOME THOUGHTS ON MIND
AND LANGUAGE: THE HOMUNCULUS
OF COGNITIVE INTERNALISM**
A.V. KRAVCHENKO

Приводятся аргументы против идеологии когнитивного интернализма и объективного реализма в исследовании природы сознания и языка как независимых сущностей, укорененных в человеческом мозге. Отделение языка и сознания от мира препятствует пониманию биологической функции языка, состоящей в ориентировании себя и других в реляционной области языковых взаимодействий с целью обеспечить свою целостность и функциональность как живых систем.

Ключевые слова: сознание, язык, когнитивный интернализм, объективный реализм, живые системы.

Arguments are given against the ideologies of cognitive internalism and external realism in explorations of the nature of mind and language viewed as independent entities based in the human brain. Segregation of language and mind from the world prevents understanding of the biological function of language which is to orient oneself and others in the relational domain of linguistic interactions so as to preserve the unity and functionality of the interacting living systems.

Keywords: mind, language, cognitive internalism, external realism, living systems.

Вопрос о том, как соотносятся язык и сознание/мышление, имеет давнюю историю, однако убедительный ответ на него до сих пор не получен. Это вызвано тем, что на протяжении нескольких последних столетий попытки решить этот вопрос предпринимались в рамках аналитической философии, уходящей корнями в картезианский дуализм [1]. Принципиальное разведение тела и разума, основанное на противопоставлении материального и идеального, явилось непреодолимым камнем преткновения для любых попыток установить связь между миром идеального и миром материального через язык как «феномен третьего вида» [2]. Дело здесь не столько в неадекватности самой методологии, сколько в исходной посылке картезианской логики, которая отчетливо прослеживается в традиционной философской теории познания: сознание рассматривается как независимая нематериальная сущность, объективируемая в языке как явление, принадлежащем миру материальному (которому принадлежит и тело). В этом корень всей проблемы, поскольку идеализация сознания создает неразрешимое противоречие: как может осуществляться связь между мыслью и миром, если они не имеют общей онтологии и независимы друг от друга [3]?

С оформлением когнитивной науки как междисциплинарного проекта по изучению человеческой когнитивной способности, усилия ученых сосредоточились на том, чтобы понять, как работает человеческий разум, т. е. ответить на вопрос: «Что находится в нашем сознании?» [4]. Такая постановка вопроса характерна для когнитивной науки первого поколения [5–7 и мн. др.]¹, главным методологическим принципом которой является интернализм – вера в то, что человеческая когнитив-

¹ О трех поколениях когнитивной науки см. [8].

ная способность находится в сознании, а само сознание – в мозге. В соответствии с таким подходом, когнитивные процессы происходят исключительно в мозге познающего, а все, что делают познающие организмы, является следствием процессов, протекающих в мозге [9]. Язык как вид когнитивной деятельности тоже возникает из ментальных процессов, поэтому для когнитивистов «главного направления» язык находится «в голове». Этот главный методологический постулат, в основе которого лежит компьютерная метафора, задает общее направление когнитивных исследований – выяснить, как устроено наше сознание, изучив строение мозга и особенности протекающих в нем нейронных процессов, ответственных за когнитивную способность [10]. Изучив «архитектуру» сознания, выявив его структурные элементы (ментальные единицы и структуры, такие как «концепты», «ментефакты», «ментальный лексикон» и т. п.) и способы объективации, когнитивист может перейти к созданию автономного искусственного интеллекта, руководствуясь процедурой, известной как тест Тюринга².

В когнитивной парадигме коммуникативно-языковая деятельность – это главный способ «объективации» когнитивных (ментальных) структур, которые выводятся вовне, из черного ящика сознания посредством языковых знаков разных уровней. Изучение этого «внешнего» языка (по Хомскому) позволяет, якобы, проникнуть в тайну «внутреннего» языка, поэтому лингвистика как наука о языке призвана объяснить, как устроено наше сознание [12–13]. Однако с языковыми структурами все оказывается не так просто. С одной стороны, объектом изучения лингвистики традиционно являются материальные сущности – языковые знаки, под которыми понимаются и естественноречевые акустические явления (звучащая речь), и письменные артефакты в виде слов, предложений, текстов (хотя онтологически это явления разных уровней с разной когнитивной функцией – см. [14]). С другой стороны, эти внешние чувственно воспринимаемые структуры рассматриваются как своеобразные контейнеры, в которые вкладывается некое нематериальное (мыслительное) содержание (значение, смысл), изначально находящееся в сознании – например, в виде «ментального лексикона». Отсюда – определение языкового знака как материально-идеального образования, состоящего из плана выражения и плана содержания. Но именно эта двусторонняя сущность языкового знака создает то множество трудностей, с которыми сталкивается лингвист в попытках понять устройство и функционирование языка в его соотношении с мышлением/сознанием.

Во-первых, непонятно, что представляет собой пресловутое идеальное содержание языкового знака, выступающего в роли наполняемого этим содержанием контейнера (подробнее об этом см. [15]). Постулирование некоей нематериальной сущности, наполняющей пустовавший до этого вполне материальный сосуд языкового знака, уводит нас в кущи то ли материалистического идеализма, то ли идеалистического материализма, из которых ни то, ни другое не кажется особенно привлекательным. Во-вторых, если допустить, что идеальное содержание (будь то мысль, мыслительный образ или что-то подобное) существует, то почему современная наука (например, нейрология) не в состоянии обнаружить его и зарегистрировать как некий реальный феномен, подобно тому, как физики регистрируют недоступные нашему восприятию, но вполне реальные элементарные частицы? Да, современная магнитно-резонансная томография позволяет получить интересные данные о

² Критику такого взгляда на природу когнитивной способности см. в [11].

ситуативно обусловленной динамике нейронной активности в коре головного мозга, но наблюдаемые при этом процессы вполне материальны и вряд ли могут претендовать на статус ментальных образов. В-третьих, если лингвистика занимается изучением языка как исключительно материального феномена, понимая при этом язык как систему знаков – семиотических объектов, существующих вне человека в «объективной» действительности и выполняющих инструментальную функцию – ее объектом может выступать только система языковых «контейнеров» как той внешней реальности, что дана нам в ощущениях. Но дело как раз в том, что нет и не может быть языковых знаков без человека, ведь язык – это специфическая способность человека как биологического вида, «дом его бытия» (Хайдеггер). Это заставляет лингвистов (в частности, генеративистов) искать – а точнее, конструировать на уровне чистых абстракций – некий ментальный аналог «внешнего», материального языка, вплоть до утверждения, что существует «языковой орган», ответственный за врожденную языковую способность человека. Соответственно, утверждают последователи Хомского, «вместо того, чтобы рассматривать язык как внешний феномен, как собрание звуков, слов, текстов и т. п., существующих независимо от конкретных индивидуумов, современная лингвистика все больше внимания уделяет внутренней организации и онтогенезу особого вида знания» [16: ix]. Таким образом получается, что языковое знание порождается особым органом, находящемся в мозге, и его-то и надо изучать, несмотря на то, что орган этот до сих пор не обнаружен ни визуально, ни инструментально³.

Составной частью таких усилий является исследование «ментального лексикона», превратившееся в отдельную область (когнитивной) лингвистики, а в солидном международном издательстве даже издается научный журнал «Ментальный лексикон», публикующий результаты исследований «по репрезентации и обработке слов в сознании и мозге». Здесь возникает еще одна трудность, связанная с проблемой локализации сознания. С одной стороны, с точки зрения биологии, мозг представляет собой анатомический орган с функцией контроля над всей динамикой организма в его взаимодействиях со средой. С другой стороны, он, как принято считать, является вместилищем сознания, ответственного за отображение реального мира в виде репрезентаций (ментальных образов), оперируя которыми сознание (или мозг?) обеспечивает адекватное взаимодействие организма с внешним миром. При этом главный вопрос о том, как соотносятся сознание и мозг, остается без ответа, либо утверждается, что сознание и есть мозг [18].

Остается загадкой, как и почему авторы, пишущие о сознании, стали употреблять слово «сознание» как синоним слову «мозг», тем самым затуманивая онтологическую проблему, связанную с сознанием. С одной стороны, «сознание» не означает то же самое, что «мозг», потому что человек может иметь мозг, находясь без сознания или вовсе сойдя с ума. С другой стороны, если слово «сознание» относится к тому, что происходит в мозге, тогда любой и каждый организм, имеющий мозг, обладает сознанием. Вполне возможно допустить, что не только приматы, но и собаки, кролики, мыши или голуби все обладают сознанием – но, в таком случае, где проходит черта между сознанием человека и животного? Ведь наверняка между человеческим сознанием и сознанием летучей мыши (если оно у нее есть) существует огромная разница. Как подчеркивает Д. Деннет, «возможно главным пре-

³ Остроумную критику учения о языковом органе см. в [17].

пятствием в наших попытках выяснить, каковы ментальные способности отличных от человека животных, является наша неодолимая привычка воображать, будто их умные действия сопровождаются потоком рефлексивного сознания, *подобного* нашему. Нельзя утверждать, что мы *знаем*, что это не так; скорее, на данном начальном этапе наших исследований мы не должны *исходить* из того, что это так» [19: 159ff]. Мы не должны исходить из того, что это так, продолжает Деннет, поскольку наше сознание – это сознание существ, *обладающих языком*.

Сознание обычно определяют как совокупность мыслительных процессов и действий организма – как осознаваемых, так и неосознаваемых (так называемый уровень бессознательного). Как подчеркивает финский психолог Т. Ервилехто [20], психология здравого смысла так же, как и многие научные теории человеческого поведения, начинается с принятия исходного допущения, что внутренний мир человека, его мысли, чувства, чаяния и потребности образуют основу его поведения, которое как таковое носит вполне тривиальный характер и, в конечном итоге, направлено на достижение внутреннего удовлетворения, исполнения надежд и ощущения счастья. Разделение человека и среды в современных психологических теориях, особенно в когнитивной психологии, есть следствие того, что люди рассматриваются как системы ввода-вывода, в которых ментальная деятельность основана на линейной обработке информации, поступающей из среды: ощущения, восприятие и ментальная деятельность, в целом, рассматриваются как «нечто», связанное с внутренней обработкой органами чувств и мозгом поступающей из среды информации. О ментальных феноменах часто говорят как об объектах: органы чувств воспринимают стимулы, которые затем по нервным путям поступают в центры, анализирующие входящую информацию и интерпретирующие события, происходящие вне мозга и тела. Это – интерналистская модель сознания, подразумевающая интенциональную природу ментальных процессов.

Картина, которую рисует интернализм, проста своей однозначностью: существует независимый (объективный) мир, и этот мир «познается» автономным субъектом в процессе взаимодействий с миром, которые описываются как способность к действию, возникающая из протекающих в голове/мозге процессов, имеющих интенциональную природу. Соответственно, в центре когнитивных исследований должны быть именно эти процессы. Принимая интерналистскую модель сознания и языка, когнитивная наука упускает из виду важное методологическое следствие разделения – или, по Харрису [21], «сегрегации» – языка и сознания, с одной стороны, и так называемого «объективного» физического мира, с другой. Следствие это состоит в том, что, полагая сознание и язык *вне* физической реальности – в то время как тело организма принадлежит ей и только ей – интернализм не оставляет иного объяснения тому, что происходит в голове, кроме как через существование там некоторого автономного интерпретатора, такого маленького человечка, или *гомункулуса*, который и руководит всеми действиями познающего мир организма. Таким образом, чтобы понять природу когнитивной способности человека, мы должны объяснить природу гомункулуса, а это, в свою очередь, возможно лишь при допущении другого, еще меньшего гомункулуса – и так до дурной бесконечности (см. [22]).

Сознание – это не мозг, но оно и *не находится* в мозге в виде таинственного объекта, который никак не удастся обнаружить и подвергнуть эмпирическому анализу. С точки зрения физики, мозг – это структурированное собрание нервных клеток, в которых протекают электро-биохимические процессы, описываемые в терминах

нейронной активности. Состояния относительной нейронной активности возникают при взаимодействиях организма со средой, и в этом (и только в этом) смысле они репрезентируют эти взаимодействия, т. е. состояние нервной системы в целом, регулирующее и координирующее взаимодействие структурных элементов организма как живой системы, есть следствие истории сопряжения организма со средой, его адаптивного встраивания в среду, а не получаемое сидящим в голове гомункулусом отображение «объективной реальности». Сторонники идеи «расширенного сознания» утверждают, что сознание не заключено в теле, и что мыслительные процессы не определяются исключительно состоянием мозга: «Когнитивные процессы не (все) в голове!» [23]. В этом, по сути, они смыкаются с теоретиками биологии познания, которые считают, что «так называемые ментальные процессы суть поведенческие реляционные феномены, что самосознание суть образ жизни с другими в реляционной области, образуемой языковой деятельностью, и как таковое возникает при участии нервной системы, вовлеченной в порождение поведенческой реляционной динамики организма-среды» [24: 15].

Слова естественного языка как физические (акустические) феномены, взаимодействие с которыми ведет к возникновению состояний относительной нейронной активности, не являются чем-то особенным с точки зрения феноменологии восприятия (на это указывал еще Выготский). Но они особенны в том смысле, что, взаимодействуя с собственными состояниями относительной нейронной активности, порожденными взаимодействием организма со звучащими словами, мы можем воспроизводить акустические феномены человеческой речи, поддерживая непрерывность реляционной области (области языковых взаимодействий), в которую мы встраиваемся. Выражения естественного языка выступают в роли *индикаторов* состояний активности нервной системы, порождаемых сенсомоторной деятельностью при участии всех чувственных модальностей, включая эмоции; эти индикаторы позволяют людям, вступающим в языковые взаимодействия, ориентировать себя и других с учетом этих состояний таким образом, чтобы обеспечить целостность и функциональность живых систем, каковыми они являются. Именно в этом состоит биологическая функция языка, а вовсе не в мифическом обмене информацией посредством языковой коммуникации. По замечанию Ф. Либермана, «то, что человек биологически предрасположен к усвоению и использованию языка, неоспоримый факт. Однако путь, который проложили лингвисты и по которому часто идут другие ученые, игнорирует принципы и факты биологии» [25: 1].

Причину многих трудностей, с которыми сталкивается лингвистика в попытках определить природу языка и его место в организации когнитивной способности человека, нужно искать в философии объективного реализма, лежащей в основании так называемой общей теории языка. Объективный реализм как научное мировоззрение состоит в том, что наблюдаемый мир, познаваемый через взаимодействия с ним человека и описываемый с помощью языка, существует независимо от субъекта познания: «Предположение, что мир устроен определенным образом независимо от наших репрезентаций того, как он устроен, есть объективный реализм» [26, 32]. Другими словами, реальный мир существует независимо от нас, поэтому каждый приходящий в этот мир человек должен познать его с целью приспособиться к нему, обеспечивая себе необходимые условия для выживания и продления рода. Принято считать, что существенную роль в этом играет язык, позволяющий людям обмениваться имеющейся у них информацией о мире, вступая в коммуникацию.

Один из главных теоретических столпов ортодоксальной лингвистики — незыблемая вера в то, что функцией языка является коммуникация. Однако хотя коммуникация как область когнитивных взаимодействий человеческих организмов лежит в основе языкового поведения, она им не исчерпывается. Эта тривиальная истина обычно не ставится под сомнение — ведь тогда неизбежным был бы вывод о том, что, кроме вида *homo sapiens*, ни один другой биологический вид не способен к коммуникации. Тем не менее, каждый раз, когда заходит речь о функции языка, происходит незаметная метаморфоза, и *коммуникация* отождествляется с *языком*. Как подчеркивал А.В. Звегинцев [27], это ведет к искусственному суживанию поля исследования и отказу от познания подлинной природы языка во всей его полноте. Д. Спербер так характеризует веру в коммуникативную функцию языка: «Старая история о том, что ‘мы общаемся благодаря общему языку’, хороша и проста. Она могла бы быть прекрасным объяснением, если бы только соответствовала действительности» [28:192].

Общим местом в институционализированном языковедческом дискурсе являются утверждения о том, что язык представляет собой код, в котором каждый знак выражает определенное значение, что значения языковых знаков заданы заранее и могут быть определены и описаны как некие абстрактные инварианты, к которым люди обращаются в процессе коммуникации по мере надобности, комбинируя их тем или иным образом с целью получить обладающие значением выражения. Догма об автономности и догма о композиционности языкового значения — эти «две догмы объективирующей семантики» [29] — задают онтологическую модель коммуникации как процесса передачи значений, хранящихся в сознании в виде ментального лексикона. Однако подобно тому, как анатомам до сих пор не удалось найти в голове человека языковой орган, нейролингвистам не удается доказать эмпирическими данными существование в мозге ментального лексикона, который, таким образом, выступает как одно из проявлений гомункулуса.

Отделение языка и сознания от мира, продолжающее дуалистическую традицию в философии познания, вряд ли перспективно в плане исследования соотношения между языком и сознанием. Репрезентационализм, т. е. вера в то, что суть когнитивных процессов состоит в отображении — в виде ментальных образов — в сознании индивида аспектов объективной реальности, существующей независимо от познающего ее человека, не может похвастать тем, что выработана последовательная и эмпирически состоятельная теория ментальных репрезентаций [см. 30–31]. Более того, наметившийся в конце XX в. парадигмальный сдвиг когнитивной науки в сторону биологии, когда природа когниции связывается с функцией организма как биологической системы [20: 32–33], заставляет по-новому взглянуть на проблему соотношения сознания и языка [34]. Соответственно, по-новому следует подходить и к проблеме определения функции языка как уникальной человеческой способности — ведь мы как люди существуем в языке, и, как биологический вид с высокоорганизованной центральной нервной системой, мы представляем собой результат коэволюции организма и языка как нашей *экологической ниши* [35–39]. «Язык, самосознание и разумность суть разные формы существования в реляционной области, в которой живет живое существо, а не образы деятельности нервной системы» [24: 25]. При таком подходе язык, как и сознание, не рассматривается как некоторое свойство мозга — напротив, он предстает как определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной

динамики [40], образующих реляционную область. Существование человеческого организма в этой области – необходимое условие формирования сознания, которого не может быть без и вне языка.

Литература

1. *Chomsky N.* (2002). *Cartesian Linguistics: A chapter in the history of rationalist thought*, 2nd ed. Cybereditions Corporation (edited, with an introduction, by J. McGilvray).
2. *Келлер Р.* (1997). Языковые изменения: О невидимой руке в языке. Изд-во Самарского гос. пед. ун-та.
3. *Kim J.* (1998). *Mind in a Physical World: An essay on the mind-body problem and mental causation*. Cambridge, MA: The MIT Press.
4. *Pylyshyn Z.* (1999). What's in your mind? // E. Lepore, Z. Pylyshyn (eds.), *What is Cognitive Science?* Blackwell. P. 1–25.
5. *Chomsky N.* (1975). *Reflections on Language*. New York: Pantheon.
6. *Pinker S.* (1995). *The Language Instinct: How the mind creates language*. New York, NY: Harper Perennial.
7. *Fodor J.A.* (1998). *Concepts: Where cognitive science went wrong*. Oxford: Clarendon Press.
8. *Кравченко А.В.* (2009). О традициях, языкознании и когнитивном подходе // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой*. М.: Языки славянских культур. С. 51–65.
9. *Harnad S., Dror I.* (2006). *Distributed Cognition: Special issue of Pragmatics & Cognition*, 14(2). P. 209–213.
10. *Lamb S.* (1999). *Pathways of the Brain: The neurocognitive basis of language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
11. *Kravchenko A.* (2007). Whence the autonomy? A reply to Harnad and Dror. *Pragmatics & Cognition*, 15(3). P. 587–597.
12. *Culicover P.W.* (2005). Linguistics, cognitive science, and all that jazz // *The Linguistic Review*, 22. P. 227–248.
13. *Ritter N.A.* (2005). On the status of linguistics as a cognitive science // *The Linguistic Review*, 22. P. 117–133.
14. *Линелл П.* (2009). Письменнаяязыковая предвзятость лингвистики как научной отрасли // А.В. Кравченко (ред.). *Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistica cognitiva. Вып. 2)*. Иркутск: Изд. БГУЭП. С. 153–191.
15. *Архинов И.К.* (2009). Язык и его функция: смена парадигм научного знания // А.В. Кравченко (ред.). *Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistica cognitiva. Вып. 2)*. Иркутск: Изд. БГУЭП. С. 100–152.
16. *Anderson S.R. D.W. Lightfoot* (2002). *The Language Organ: Linguistics as cognitive physiology*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. *Everett D.L.* (2005). Biology and language: a consideration of alternatives // *Journal of Linguistics*, 41. P. 157–175.
18. *Priest S.* (1991). *Theories of the Mind: A compelling investigation into the ideas of leading philosophers on the nature of the mind and its relation to the body*. Harmondsworth: Penguin Books.
19. *Dennett D.C.* (1996). *Kinds of Minds: Toward an understanding of consciousness*. New York, N.Y.: Basic Books.

20. *Järvillehto T.* (1998). The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 33. P. 321–334.
21. *Harris R.* (2004). Integrationism, language, mind and world // *Language Sciences*, 26. P. 727–739.
22. *Deacon T.W.* (2012). *Incomplete Nature: How mind emerged from matter*. New York, London: W.W. Norton & Company (Chapter 2).
23. *Clark A., Chalmers D.* (1998). The extended mind // *Analysis*, 58(1). P. 7–19.
24. *Maturan H., Mpodozis J., Letelier J.C.* (1995). Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*, 28. P. 15–26.
25. *Lieberman Ph.* (2006). *Toward an Evolutionary Biology of Language*. The Belknap Press of Harvard University Press.
26. *Searle J.R.* (1998). *Mind, Language and Society: Philosophy in the real world*. New York: Basics Books.
27. *Звегинцев В.А.* (1996). Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та.
28. *Sperber D.* (1995). How do we communicate? // J. Brockman, K. Matson (eds.), *How Things Are: A science toolkit for the mind*. New York: Morrow. P. 191–199.
29. *Sinha C.* (1999). Grounding, mapping, and acts of meaning // Th. Janssen, G. Redeker (eds.), *Cognitive Linguistics: Foundations, scope, and methodology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. P. 223—255.
30. *Кравченко А.В.* (2007). Репрезентационализм и биологическая теория познания // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 37–47.
31. *Кравченко А.В.* (2012). «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации. М.; Тамбов: ИЯ АН; ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 205–216.
32. *Матурана У.* (1996). Биология познания // В.В. Петров (сост.). *Язык и интеллект*. М.: Прогресс. С. 95–142.
33. *Кравченко А.В.* (2001). Когнитивная лингвистика и новая эпистемология // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 60. 2001. № 5. С. 3–13.
34. *Kravchenko A.V.* (2009). Language and mind: A bio-cognitive view // H. Götzsche (ed.), *Memory, Mind and Language*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 103–124.
35. *Deacon T.W.* (1997). *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain*. W.W. Norton & Company.
36. *Kravchenko A.V.* (2008). *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang.
37. *Cowley S.J.* (2011). Taking a language stance // *Ecological Psychology*, 23(3). P. 185–209.
38. *Jennings R.E., Thompson J.J.* (2012). The biological centrality of talk // A.V. Kravchenko (ed.), *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 33–63.
39. *Кравченко А.В.* (2013). Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики, 1 (в печати).
40. *Kravchenko A.V.* (ed.) (2012). *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.